

НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ 1993 ГОДА

Вячеслав Ерохин

Часть 1

БЫЛ ШАНС СПАСТИ РОССИЮ

*Скажи мне, российская армия,
ушедшая из политики,
зачем же себя запятнала ты
октябрьским кровопролитием?*

В холодную ветреную ночь 22 сентября по Варшавскому шоссе к Москве мчались несколько легковушек. Шел третий час, дорога была свободной. Столица отдыхала, утершись после очередного, теперь уже антиконституционного президентского плевка – указа №1400, означавшего государственный переворот. Те ж, кто не смирились с ельцинским произволом, устремились к Дому Советов на Краснопресненскую набережную, где продолжал работу Верховный Совет. Депутаты не расходились по домам. Они оставались на рабочих местах, понимая серьезность и драматизм ситуации.

Из разных мест к Дому Советов приезжали люди, разделяющие их позицию. Мы, подольчане, тоже понимали, что наступает развязка изнурительного противостояния двух противоположных политических сил, сконцентрированных в исполнительной и законодательной ветвях власти. За развитием этой схватки мы наблюдали давно. И по мере сил и возможностей в ней участвовали. Посещали митинги оппозиции, нередко завершавшиеся стычками с ОМОНОм; делегировали своих представителей на съезды Фронта национального спасения, приглашали в Подольск лидеров патриотических партий и движений. Шла борьба за будущее России, от ее исхода зависело, сохраним ли мы государственный суверенитет или превратимся в колонию Запада.

Нас радовало, что многие депутаты ВС, как бы во искупление собственных грехов за ратификацию Беловежских соглашений, начали отстаивать национальные интересы нашей Родины. И к лету 93-го года парламент стал серьезным тормозом на пути реформ, предначертанным Ельцину и его команде Международным валютным фондом. Сенсационные выступления вице-президента А.Руцкого, вскрывшего чудовищные факты коррупции и предательства в стане радикальных демократов; подтверждение российского статуса Севастополя, ограничение деятельности эмиссаров тоталитарных религиозных сект, а главное, – законодательные акты, направленные против развала экономики и чубайсовской приватизации, - все это связывало руки кремлевским реформаторам и вызывало озабоченность «международной общественности», уставшей ждать результатов запланированных ими реформ.

Помню, в июле 1993 года в передаче «Итоги» по НТВ повивальная бабка перестройки М.Тэтчер прямо заявила о необходимости разгона Верховного Совета. Она явно озвучила позицию мировой закулисы. Решение было согласовано, поэтому даже расстрел парламента не вызвал никаких протестов и возражений у «международной общественности» и борцов за права человека. Мировое сообщество закрыло глаза на это неслыханное в современной истории преступление, по сравнению с которым пожар рейхстага – цирковое представление.

Процесс пошел, как любил выражаться М.Горбачев. К осени из парламента, как раньше из партии, сбежали почти все демократы. Пресса изощрялась в навешивании на оставшихся депутатов ярлыков, готовя общественное мнение к обрезанию «сухих ветвей». Впрочем, и сам президент не скрывал своих намерений: заранее объявил артподготовку и указом №1400 произвел выстрел, равный по значению сигналу с крейсера «Аврора».

Отступить ему было некуда. «Реформы» можно было продолжать, лишь сломив сопротивление народа, в первую очередь в лице его представителей в высшем государственном органе. Но именно тогда у патриотических сил появился уникальный шанс отстранить от власти американских марионеток. Впервые за годы перестройки для этого были законодательные основания. Не воспользоваться этим случаем, после стольких лет издевательств над страной и народом, мы не могли. Пружина разжалась, наступил час Ч.

...Возле Дома Советов встретили наших земляков, добравшихся своим ходом. У двадцатого подъезда в толпе выделялась знакомая фигура в казачьей форме. Сотник Виктор Морозов отдавал приказы подчиненным. В этот день он находился в больнице. Но, услышав в восемь вечера выступление Ельцина, сбежал из палаты и, не заезжая домой, махнул в Москву. Увидев нас, попросил передать своей любимой, что он здесь и никуда отсюда не уйдет. Кто-то из наших пошутил: «Она тебя по телевизору увидит». И угадал. Тележурналисты то и дело ловили Морозова в объективы камер, чтобы потом создать из него образ врага. А заодно и столкнуть лбами казаков. Промелькнет в «Вестях» наш защитник Конституции, и тут же казачий генерал Ратиев якобы от имени Дома заявит о поддержке Ельцина. Узнав об этом заявлении, сотник, в порыве негодования, с балкона Дома Советов вызвал Ратиева на дуэль. «Мы пришли сюда умирать», - заявил Виктор, не раз глядевший в глаза смерти на Приднестровской войне. Все две недели противостояния он оставался на боевом посту. Сформировал казачью сотню, державшую оборону на одной из баррикад, известную сейчас, как Казачья застава. Его ввели в штаб обороны парламента вместе с вновь избранными министром обороны и госбезопасности.

Морозов мог со спокойной совестью покинуть Дом Советов накануне штурма: генерал А.М.Макашов поручил ему важное задание. Но Виктор отказался выполнять указание, он не мог оставить свою сотню. Когда четвертого октября его, раненого в ногу, увозили в больницу, последняя просьба сотника к своему денщику была – спасти шашку. Наш земляк

А.С.Киселев, мужественный участник обороны парламента, оказался свидетелем этого разговора и решил, что казак отвоевался. Он ошибся.

Но все это будет потом. А пока наш вожак А.Фокин прошел в восьмой подъезд к знакомым депутатам. В толпе чувствовалось волнение из-за отсутствия информации о том, что происходит. С балкона без перерыва выступали депутаты, но ясность они не вносили. Озабоченные лица, суета, костры на площади Свободной России, пронзительный ветер, заставлявший двигаться, - все это напоминало революционную обстановку. Вспомнились слова М.Горбачева: перестройка – это продолжение революции. А поскольку эта революция проходила «сверху», то революционеры заседали в Кремле и в структурах исполнительной власти. И в лужковской мэрии – само собой. Несмотря на позднюю ночь, на верхних этажах раскрытой «книжки» горел свет. А здесь, на улице, коротали ночь противники ихней перестройки, то есть контрреволюционеры, стремившиеся восстановить законный порядок и вернуть России независимость.

Первые две ночи мы дежурили в восьмом подъезде. Вначале в «предбаннике», потом в холле. На ночь офицерам запаса выдавали короткоствольные автоматы Калашникова, предварительно забрав паспорта. На улицу с оружием могли выходить лишь члены штаба и находившиеся в их подчинении члены Союза офицеров. Автоматы выдавались руководителю группы, и он нес ответственность за каждого человека.

Отдежуривав ночь, утром выходили на работу. Долго так продолжаться не могло. Одни брали очередной отпуск, другие махали рукой и прогуливали, справедливо решив, что защита конституции – уважительная причина отсутствия на работе. Был и такой эпизод. Одного из наших добровольцев начальник – патриот по убеждениям – попросил на всякий случай написать заявление на увольнение. Но при этом не ругал за прогулы, даже свой новенький бронежилет дал поносить.

С каждым днем росло число участников сопротивления режиму. Тайно, в штатском, к назначенному министру обороны В.Ачалову приходили армейские офицеры. А к министру безопасности В.Баранникову – люди с Лубянки и территориальных отделов МБ. Порой возникали курьезные ситуации. 26 сентября, накануне православного праздника Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, от Дома Советов на набережную вышел крестный ход. Под крестом и церковными хоругвями шли монархисты, коммунисты и те, кто еще не определился по этой части. Я шел вместе со своими знакомыми. Слева, распевая тропарь, вышагивал солидный бородач. А справа – невысокого роста, сухощавый мужчина средних лет.

- Знаешь, - говорю бородачу, - а ведь слева от меня подполковник госбезопасности.

- Не может быть! – изумился певчий.

После этого шепчу на ухо соседу справа, что рядом с нами известный в патриотических кругах публицист Борис Куркин. Он же – подполковник милиции. «А я думал, это поп», - признался опытный чекист. Этот человек не засветился в тех событиях, поэтому имя его не называю.

У Дома Советом встретили мы старого знакомого капитана Сергея Немченко, приехавшего вместе с майором Валерием Лисютиным. Оба служили в учебной части войск ПВО в поселке Толбино Подольского района. В те дни уже прозвучал президентский окрик: за политическую пропаганду – увольнение из армии. Но, нарушив данную год назад присягу и растоптав Конституцию страны, ее гарант автоматически лишался своей должности. Поэтому законопослушные русские офицеры пропустили его угрозу мимо ушей. Они разъясняли в части обстановку в Москве, готовили офицерское собрание, чтобы принять решение о защите Конституции. Работа не пропала даром. Третьего октября офицеры и прапорщики Толбинской части во главе со своим командиром - полковником Ю.А.Бородиным с оружием в руках придут в распоряжение Верховного Совета.

С Толбинской частью судьба свела меня в 1990 году. Тогда по инициативе Сергея Немченко, сына известного прозаика Гарри Немченко, в Советской армии впервые была создана казачья застава. Став атаманом, Немченко объединил многих своих знакомых и сослуживцев. И вскоре в поселке перестали удивляться людям в казачьей форме. В свободное от службы время казаки выезжали в совхоз «Щапово», где имелись скаковые лошади. По воскресеньям посещали богослужения в Троицком соборе Подольска. О заставе писали в центральной прессе. А Немченко мечтал о том дне, когда в части будут служить казаки с его родной Кубани. С письмом командира съездил в краевой центр, и спустя полгода в Толбино прибыл первый кубанский набор. Но наступившая осень заставила атамана заняться другими делами.

Немченко и Лисютин регулярно привозили в часть патриотические газеты и журналы. И хотя порой Сергей жаловался на пассивность своих товарищей, но в нужный момент многие из них поступили, как того требовал воинский долг. Однако нашим неформальным лидером в те дни был не офицер и не казак. Независимо от рода войск и партийных пристрастий, подольская оппозиция видела своего вожака в лице Александра Серафимовича Фокина, заместителя директора подольского молокозавода. Помимо качеств организатора, он обладал тогда редким обаянием, не показушным, а идущим из глубины его крестьянской души. Крепкий и волевой, не скрывающий своих патриотических взглядов даже в тех случаях, когда надо бы промолчать, не идеальный, но цельный и «аховый», готовый рисковать ради высокой цели. Таким он мне запомнился в 1993 году.

Его позиция у одних вызывала восхищение, у других недоумение: хозяйственный руководитель, чего ему не хватает? Жил бы, как большинство директоров, и в ус не дул. Но Фокин в то время так не мог. В конце 80-х он стал сомневаться в правильности перестройки. После развала Союза у него не было сил смотреть по телевизору, как демократические бесы глумятся над поверженной империей, раздирают ее, словно шакалы убитого льва.

А тут представилась возможность поучаствовать в серьезном деле. Как известно, многие депутаты союзного съезда не смирились с расчленением страны и не пожелали самораспускаться. В декабре 1991 года они

запланировали собраться, чтобы де-юре подтвердить факт существования СССР. Российское руководство решило не допустить проведения такого съезда. Для союзных депутатов оказались закрытыми все столичные залы. Узнав об этом, Фокин предложил провести съезд в Подольском районе. И вот колонна «Икарусов» в сопровождении кортежа разномастных машин с журналистами и политиками прибыла к Дому культуры совхоза «Вороново, и здесь при свечах (свет отключили по указанию из Москвы) депутаты избрали постоянно действующий Президиум Верховного Совета СССР.

До чего же та ситуация напоминала осень 93-го года. Один и тот же сценарий! И действующие лица те же самые. Как и два года назад, многие российские депутаты вместе со своими сподвижниками встали на защиту закона. И не случайно год спустя после событий горячей осени лучшие из них будут награждены орденом «Защитнику советов», учрежденному официально - де-юре, но подпольным – де-факто президиумом Верховного Совета Союза ССР.

В Доме Советов мы были с Фокиным почти ежедневно. Он, как руководитель, получал задания, в первые дни, в основном, по продовольственному обеспечению. Фокин кое - что привозил со своего завода, с помощью главы администрации Подольска подключал к сбору гуманитарной помощи руководителей местных пищевых предприятий. А когда после короткого осеннего дня громада обесточенного по приказу московских властей здания погружалась в темноту, паролем стало звучать слово солярка. Полтора дня потребовалось Фокину, чтобы найти «КамАЗ» и загрузить его горючим. Но тут возникла другая проблема. К Дому Советов московские власти подтянули отряды омовцев и на подъездах к нему проводили досмотр всех подозрительных машин. Грузовик мимо них прошмыгнуть не мог.

В предыдущие дни нашим проводником к депутатам был майор Подольского горотдела МБ Анатолий Васильевич Белов. Со своей «ксивой» ему удавалось провозить продовольствие, получать в штабе различную информацию. Когда проезд стал невозможен, Белов договаривался с милицейскими офицерами и через строй «стражей порядка» передавал осажденным пищу.

Уже вечерело, когда Белов встретил наш «КамАЗ» на Садовом кольце. Новости принес неутешительные: оцепление усилено, все подъезды к Верховному Совету перекрыты. И все же он решил снова попытаться счастья. К этому дню майор Министерства безопасности (одно из названий нынешней ФСБ) уже засветился. Во время попыток пройти сквозь кордоны его задержали и доставили в милицию. Реакции пока не было, видно, начальство выжидало. А Белов, осознав, что терять ему нечего, продолжал выполнять свой долг.

Он старался не думать о последствиях. Встав на сторону Верховного Совета, это человек предполагал, что рано или поздно будет раскрыт. Поэтому с первого дня особо не таился. Вместе со своими коллегами по

Министерству, в том числе с Лубянки, выполнял приказы В.Баранникова и одновременно помогал Фокину и подольской команде выполнять задания штаба.

...Наш «КамАЗ» заехал в подворотню в районе Смоленской площади. Здесь решили дожидаться Белова. Шел сильный дождь. Как назло, нас с водителем то и дело теребил сторож какой-то местной конторы. Чувствуя напряженность обстановки, он пытался выяснить, кто мы такие и что делаем на его территории. «Заблудились, - говорим, - приехали в командировку, а адрес днем не нашли». Старик припугнул нас милицией, но выехать мы в любом случае не могли. Осталось испытывать судьбу. Милицию мужик не вызвал.

Около трех часов ночи вернулся весь вымокший Белов. Лазейки в оцеплении не нашел. Оставалось дожидаться утра и ехать с соляжкой восвояси.

В первый же день осады парламента, со спиралью «Бруно», запрещенной международной конвенцией, противостояние от стен Дома Советов распространилось по всему центру Москвы. В считанные минуты в разных местах Садового кольца восставшие строили легкие баррикады, благо, материала для них в столице было тогда предостаточно. Вечером, в темноте, не замечая луж и грязи, прорывались к осажленным со стороны метро «Баррикадная». Две людские волны – защитники конституции и правопорядка (каково?!) с переменным успехом напирала друг на друга. Порой стояли так плотно, что ощущали пьяный перегар омоновцев, согнанных в Москву из разных городов. Многие из наших оказались избиты дубинками и даже сапогами. После таких инцидентов в толпе стали появляться люди с кольями и металлическими прутьями. Увидев их, омоновцы прятались за спины солдат из дивизии Дзержинского, съезжившихся, думавших больше о том, как бы самим уберечься.

Однажды я приехал к «Баррикадной» своим ходом. Пошел к Дому Советов и вскоре влился в толпу «участников беспорядков», как нас окрестили ельцинские перья. Перед проходом между стадионом и жилым домом, на небольшой площадке была давка. Тысячи людей напрягали все свои силы, чтобы выполнить задачу, поставленную командованием или голосом совести. Внезапно омоновцы пошли в атаку и оттеснили нас в сторону шоссе. Слева от нашей группы находилось какой-то дом, в двух метрах от него - небольшое помещение типа электроподстанции. Мы оказались зажатыми в этом узком проходе. Выходы перекрыли омоновцы. Теснотища была такая, что руку не поднимаешь. По разъяренным лицам «стражей порядка» легко было представить, что нам грозило в этом «мешке»... На наше счастье, справа восставшие перешли в контратаку. Тут же по рации омоновцам поступило какое-то указание, и они, ругаясь, побежали к своим.

Вскоре нам стало ясно, что «бодаться теленку с дубом» - занятие бесперспективное. Вожди краснопресненских баррикад Виктор Анпилов и Илья Константинов предложили организованно отойти к зоопарку. Дорогу за

собой заваливали мусором. Это озадачило милиционеров. Они оставались на своих позициях, не пытаясь нас преследовать. Опомнились спустя полчаса, когда восставшие принялись перегораживать площадь Восстания.

Выйдя на зеленый свет, мы несколькими рядами перекрыли Садовое кольцо. Автомобильные сигналы заглушил шум вытаскиваемого из подворотен металлолома. Молодежь останавливала троллейбусы и ставила их поперек дороги. Ни один при этом не опрокинув (в отличие от «героев» августа 91-го!). Зачем же свое добро корежить?

Со стороны американского посольства к нам устремилось до десятка машин с мигалками. Появились автобусы с ОМОНОм. Видно, власти перепугались за свою заморскую «крышу». Но идти к посольству никто не собирался. К тому же, увидев крупные милицейские силы, толпа восставших поредела. Оставив позиции, несколько сотен человек стали отступать по Садовому в сторону Нового Арбата. Вдоль дороги шныряли люди в штатском, разговаривавшие по рациям. Сзади медленно, преодолевая сооруженные на скорую руку преграды, ехали омовские «УАЗы» и автобусы. Находились смельчаки, которые ставили металлические ограждения прямо под фарами. Разъяренные меня отбрасывали их в сторону и машины продолжали медленное движение. Сопrotивляться было бессмысленно, и народ потихоньку стал рассасываться по подворотням. Я оказался среди них. Не повезло тем, кто решил уйти через подземку. Там их уже ждали...

Часа полтора заметал следы, и только потом пришел на Курский вокзал. В полупустом вагоне обратил внимание на уставшего мужчину в мокрых до колен брюках. Оказалось, тоже с баррикад, подольчанин. Научный сотрудник института, член КПРФ В.Черемисин...

Часть 2

НОВАЯ ВЛАСТЬ В ПОДОЛЬСКЕ

Называют себя «господа демократы».

Им Россия – не мать, а народ в ней

«совки».

Точно так же вели себя дети Арбата,

потом угодили на Соловки...

О чем мы думали тогда, на что надеялись? На регионы и на армию. Восхищались новосибирским губернатором Мухой и брянским Лодкиным, выступивших против ельцинского режима. В толпе постоянно носились слухи о якобы идущих на помощь Верховному Совету колоннах бронетехники. Но по мере приближения развязки веры им было все меньше. Говорили, будто части готовы, но у них нет письменных распоряжений. Тогда появлялись добровольцы, соглашавшиеся агитировать командиров. Одним из

них был подольчанин майор А.В.Данилов. Ему оставалось до пенсии всего две недели, а он с первого дня пришел к Дому Советов. Искал себе применение и, наконец, нашел. Анатолий Васильевич через членов штаба стремился поручить приказ Руцкого войскам, но и.о. президента отказал. У Данилова было милицейское удостоверение. С ним и поехал в Нарофоминский район, в расположение воздушно-десантного полка, которым прежде командовал В.Ачалов, в то время утвержденный Верховным Советом на пост министра обороны. Теперь вместо него там был полковник Н.Игнатов. Анатолий Васильевич не знал, как к нему подступиться. Придумал историю с проштрафившимся прапорщиком. Игнатов навел справки – названного Даниловым нарушителя в части не значилось. Тогда наш земляк в открытую попытался убедить полковника поддержать законную власть. Ничего не вышло. Третьего октября Н.Игнатов одним из первых приведет десантников штурмовать здание Верховного Совета России. За это ему присвоят звание Героя России. «Метаморфозы», - говорил в таких случаях Игорь Тальков.

Осада парламента сопровождалась не менее жесткой информационной блокадой. Останкино не случайно называют империей лжи. Демократы оберегают его, словно сердце Кощея. Уже в конце сентября там дежурили краповые береты. Вход только для ельцинских журналистов. А что, если попробовать у нас в Подольске? – мелькнула мысль.

Начали с листовок, информирующих о событиях в Москве. Клеили их на остановках и даже на стеклянных дверях исполкома. Но в листовках много не скажешь. Местная газета? Сунулись один раз и успокоились: редактор привык к спокойной жизни, и на кой ляд ему мы со своими крамольными статьями. Но тут у нас появился весомый козырь. И. о. президента назначил своим представителем в Подольске А.Фокина. Вместе с ним и А.Беловым заявили в редакцию местного радио. Показали мандат редактору А.Карпухину и попросили время в эфире. Алексей Васильевич растерялся. Сколько раз он просил Фокина помочь решить разные вопросы, сколько коробок с молочными продуктами потребил в качестве гуманитарной помощи. Многим он обязан был Фокину, но в данный момент инстинкт самосохранения подсказывал ему сказать «нет». Исполнительная власть сильнее, значит, ей и следует подчиняться.

В это время из аппаратной донесся чей-то очень знакомый голосок. Как выяснилось, с «Радио России» в Подольск переслали пленку с выступлением на тот момент уже бывшего депутата Верховного Совета от нашего округа Г.Бондарева, в котором он излагал ельцинскую версию происходящих событий уже в качестве чиновника президентской администрации. Демократам было, за что отблагодарить перебежчика. Григорий Семенович доказал свою лояльность мировой демократии голосованием за передачу Японии Курильских островов, поддержал войну против Ирака, да и вообще был активным деятелем первой генерации демократов, выполнявших роль таранного орудия, разрушающего государство. С Глебом Якуниным под руку

на демонстрациях вышагивал, одиозным попом-обновленцем, лишенным впоследствии сана.

Бондарев быстренько покинул съезд, забросив врученный ему подольчанами мандат. В декабре, когда победившая демократия по горячим следам проводила очередные выборы, я не поверил своим ушам, услышав от кандидата в областную думу Б.Карпова, как он во время осеннего противостояния прятал у себя дома на Львовке Бондарева. Не иначе, от ельцинских омовцев.

Голосок из аппаратной убаюкивал слушателей: мол, президент Ельцин прав и законность восторжествует. Мы были вынуждены изъять пленку с антиконституционным выступлением бывшего депутата. В это вечер в эфир вышла наша передача. Суть не в том, кто лучше – Руцкой с Хасбулатовым или Ельцин, - разъясняли мы свою позицию. – Идет борьба между народом и оккупантами, уничтожающими нашу страну. Хорош Верховный Совет или плох, но сегодня именно он отстаивает закон и национальные интересы России.

Вечером передача подольского радио началась с взволнованного выступления редактора. «Впервые за все время существования, - заикаясь более чем всегда, выдавливал из себя слова привыкший к мирной уездной жизни Карпухин, - в редакции произошло чрезвычайное происшествие. У нас была изъята кассета с выступлением депутата Верховного Совета Бондарева. Вот что сказал по этому поводу Вячеслав Ерохин».

Далее следовали мои слова: «Отныне на подольском радио антиконституционные выступления звучать не будут». И сегодня, спустя тринадцать лет, я не жалею о сказанном. Горько, что ошибся, недооценил силу тех, кто, невзирая ни на что, тащил Россию на аркане к новому мировому порядку.

Приближалось третье октября. Накануне (это мы узнали потом) в одно из подольских НИИ пришла телеграмма американским специалистам, скупавшим здесь за бесценок уникальное оборудование и техническую документацию. То, над чем элитный коллектив трудился тридцать лет, ушло всего за девять миллионов долларов. Так вот, американцам было рекомендовано срочно покинуть пределы России. Сопоставляя этот факт с другими известными данными (иностранные снайперы стреляли в спину офицерам «Альфы»), приходишь к выводу: режиссером бойни 3-4 октября была зарубежные спецслужбы. Заранее были определены места для видеокамер CNN, и трансляция расстрела Верховного Совета России шла в прямом эфире. А восставших, вместе с их лидерами, использовали «втемную», так же, как в августе 1991-го года ГКЧП.

ТОЛБИНЦЫ

*Шла в Верховный Совет информация:
«Вам на помощь движется войско.
Продержитесь...»
Одни лишь сражаться
офицеры пришли из Подольска.*

Пока восставшие пытались освободить из заточения высшую законодательную власть, толбинские офицеры Лисютин и Немченко продолжали готовить в части офицерское собрание. В Доме Советов уже знали, что полк, в принципе, готов выступить против организаторов государственного переворота. И на имя командира части был подготовлен приказ за подписью Руцкого. Доставили его в Толбино Фокин и депутат М.Астафьев. Здесь же находились Лисютин и Немченко.

В Москве патриоты уже прорвали ряды омовцев, захватили книжку-мэрию, откуда по ним вели огонь на поражение защитники демократии. Как никогда, в тот момент нужна была поддержка армии. Командир толбинской части Ю.А.Бородин это понимал. Но что может сделать его учебный полк, в котором большинство солдат служили два-три месяца? Ситуация не из легких, но Юрию Алексеевичу уже приходилось действовать в критической обстановке. В 1971 году лейтенанта Бородина, недавнего выпускника Ярославского зенитно-ракетного училища, командировали в Египет для оказания военной помощи арабам в отражении израильской агрессии. Молодого лейтенанта назначили командиром ракетного дивизиона в районе Суэцкого канала. В любую минуту на его участке могли показаться вражеские самолеты. Комплекс ПВО – мобильный, но для его развертывания требовалось полтора часа. Бородин с подчиненными управлялся за 35-40 минут.

Вот локаторы засекают самолеты израильтян. Они летят прямо на батарею. Советские ракетчики готовы к бою, но в последний момент боевые машины поворачивают назад. Так повторялось несколько раз. Нервы у агрессора не выдерживали. Суэцкий канал был надежно прикрыт от ударов с воздуха. Год спустя Ю.Бородин стал самым молодым курсантом Калининской академии войск ПВО имени маршала Г.К.Жукова. В дальнейшем служил во Фрунзе. В 1981 году был назначен заместителем командира полка в районе Семипалатинского ядерного полигона. И вот теперь – толбинская учебка.

...С помощью посыльных Юрий Алексеевич вызвал офицеров и прапорщиков. Выстроил на плацу, рассказал о содержании приказа:

- Кто хочет послужить России, два шага вперед!

Вышли семнадцать человек. Командир дал полчаса на сборы и экипировку. В сумерках из ворот воинской части выехала тентованная машина. И сразу же особист части, сообщил в округ ее номер и число вооруженных офицеров.

В такой же ситуации оказался отряд майора Остапенко, направлявшийся к Дому Советов по Щелковскому шоссе. Омоновцы устроили засаду. Не желая сдаваться, командир застрелился. Подстерегала засада и толбинцев – в этом нет сомнений. Выручил А.Фокин. Он предоставил военным заводской автобус, что позволило им запутать следы.

Проезжая через Подольск, автобус поравнялся с памятником нашим курсантам. Трое парней, словно былинные богатыри, стеной встали на пути врага. И вдруг отчетливо представилось: такой же вечер пятого октября 1941 года, уходящие в ночь полуторки с недоучившимися курсантами подольских военных училищ. Они были единственным на тот момент резервом Ставки, кто смог задержать вражеские части на Варшавском шоссе.

Почти в один день с ними, только спустя 52 года, восемнадцать армейских добровольцев, выехали в ночь по Варшавскому шоссе на защиту Отечества. Только в противоположную сторону, на Москву. Тяжело было курсантам, но они знали: за их спиной – столица, где, несмотря на все уговоры, остается и работает Верховный главнокомандующий И.Сталин. Они ему верили, и он верил в них.

Осенью 93-го в Кремле правил человек, который растоптал конституцию и обязан был уйти. Но кто найдет в себе мужество помочь ему это сделать, вместе с таким же, как он, окружением.

...В районе кольцевой дороги автобус остановили на посту ГАИ.

- Кто такие, куда едите? – спросил инспектор у водителя.

Тот показал путевой лист:

- Рабочих с завода везу.

Инспектор посмотрел документы, заглянул через плечо водителя в салон. Что он там разглядел, сказать трудно. То ли действительно принял офицеров за рабочих, - темно ведь было, и окна шторками завешаны, - а, может, не захотел связываться. Автобус он пропустил, и тот благополучно доехал до здания Верховного Совета.

Не успели толбинцы выйти из машины, как их окружила ликующая толпа. Полковник поднялся в штаб обороны парламента и доложил о прибытии генерал-полковнику А.Макашову. Тот поручил отряду Бородина взять под охрану два главных подъезда – восьмой и двадцатый. В то время возле них стали собираться люди, вернувшиеся из Останкина. Они рассказывали о засаде и расстреле своих товарищей. С тревожными мыслями защитники парламента устраивались на ночлег.

Бородин так и не смог уснуть. Ходил по коридорам, где вповалку спали уставшие от перенесенных волнений люди, обменивался мыслями с подчиненными. Они тоже не смогли сомкнуть глаз. Слушали радио, которое передавало выступления демократов всех мастей. Фигура первой величины, архитектор перестройки А.Яковлев обозвал защитников конституции и высшего органа государственной власти фашистами. Ему подпевали Гайдар, Явлинский и др. Все это напоминало какой-то шабаш ведьм. «Раздавите гадину!» - орали демократы истеричными голосами, показывая свою сатанинскую сущность.

Под утро стало тихо, все умолкло, замерло. «Как перед битвой», - подумал полковник. И не ошибся. В 6.00 на площади Свободной России появились бронетранспортеры. Бородин разглядел вооруженных людей, одетых в кроссовки и кожаные куртки. Как потом выяснилось, это были бывшие афганцы и боевики сионистской организации «Бейтар», созданной в столице еще в 1991 году. Мог ли предположить Юрий Алексеевич, что спустя двадцать лет вновь встретится на поле боя с тем же врагом. Но уже не на Ближнем Востоке, а в центре Москвы. И прикрывать сионистов будут русские танкисты и десантники...

Здание сотрясали взрывы кумулятивных снарядов, проходы с большими окнами простреливались снайперами. Не раз люди Бородина оказывались под обстрелом в таких ситуациях, но Бог сберег. Случалось и такое: соберется в одной комнате несколько человек и один из них, жалуясь на духоту, откроет окно. Незнакомец исчезает, и вскоре эта часть здания подвергается обстрелу. «Наводчики работают», - подумал Бородин. Его офицеры обращали внимание на иностранцев, сновавших взад-вперед с рациями. Молодые люди спортивного типа представлялись журналистами. Трогать их было нельзя, о чем и кому передавали они информацию, никто не знал.

Толбинцы дежурили в восьмом и двадцатом подъездах, помогали перетаскивать раненых в безопасные места, взаимодействуя вместе с казаками Морозова и людьми А.Баркашова. Последние держались несколько обособленно. Бородин был приятно удивлен их дисциплинированностью и хладнокровием. Сам он с утра ломал голову, как позвонить в часть: телефоны в здании были отключены. Он ходил по кабинетам, брал трубки и тут же опускал, бездыханные. Но вот удача: в трубке раздался гудок. Набрал номер дежурного по штабу и услышал привычное: «Слушаю, товарищ полковник!» Бородин сообщил, что они под обстрелом, но все живы и здоровы. Он понимал безысходность ситуации и думал теперь об одном: как сохранить людей. Во второй половине дня атакующие проникли в здание, и здесь в темноте происходили стычки. Трудно было ориентироваться в этом лабиринте толбинцам. Капитан Михаил Писарев рассказывал, как их с риском для жизни вывел в расположение группы «Альфа», какой-то журналист. Дважды попадали под обстрел. Оказавшись вместе, не досчитались троих прапорщиков: Гончаренко, Сиразиева и Захарова: их отсекали огнеметчики. «Альфу» сменили омовцы. Опьяненные безнаказанностью, мстя за пережитый страх, они били толбинцев ногами и прикладами. Какой-то юный сержант сорвал с Бородина погоны полковника и бросил их в лужу. Избитых офицеров затолкали в автобус и доставили в 11-е отделение милиции. Вскоре сюда же привезли и прапорщика Захарова.

В восьмом часу омовцы уехали, в отделении остались лишь дежурные милиционеры. Отношение к задержанным изменилось. Милиционеры с сочувствием расспрашивали о подробностях боевой операции, помогали военным привести себя в порядок. Видно, не по душе им пришлось бесчинства коллег из глубинки. В 23.00 арестованных отпустили домой. В это время в столице действовал комендантский час, на улицах дежурили отряды

залетных омовцев. Ближайшая станция метро – «Баррикадная» не работала. Решили пробираться к центру. Впереди показались вооруженные люди. Омовцы, естественно, пьяные.

- Все к стене, руки за голову! – заорали стражи порядка, защелкав автоматными затворами. Наступил критический момент. Бородин и его товарищи понимали: в этой вакханалии омовцам ничего не стоит пустить в расход восемнадцать человек. Кто спросит с них за это? Слава Богу, старший по званию кое-как утихомирил жаждущих расправы. К нему и обратился Бородин. Вместе дозвонились до 11-го отделения милиции. Получив информацию, старший офицер отпустил военных восвояси. Но вскоре эта ситуация повторилась. Опять расспросы, угрозы. Обошлось и на этот раз. Вот и метро. Пустой выгон показался пределом мечтаний.

Часть 3

ПОТрясение

*Оттаяло. Снег на полях -
как сахар, подмокший на блюде.
Бежать из России нельзя,
и дома мы – лишние люди.*

Нелегко было приходиться в себя после такого потрясения. Особенно в первые дни, когда судьба некоторых наших земляков не была ясна. К счастью, убитых не оказалось. Зато раненые были. В Останкино пуля раздробила ногу Диме Новикову, молодому парню, успевшему набраться боевого опыта в Абхазии во время отражения грузинской агрессии.

Как-то в октябре мне позвонила молодая женщина. Не представилась, но настаивала на встрече. Это была любимая сотника Виктора Морозова. От нее узнал о его судьбе. Раненого в ногу, его привезли в центр хирургии, прооперировали и поместили в охраняемую палату. (Виктор, напомню, входил в штаб обороны Верховного Совета, а потому представлял особый интерес для ельцинских следователей). Но казаку удалось бежать. Как он усыпил бдительность охраны, никто толком не знал. Сам Морозов рассказывал, что связал простыни и спустился из окна.

Садимся в машину и выезжаем в поселок «Знамя Октября», где скрывался наш герой. Виктор лежал на кровати – бледный, осунувшийся, но все такой же острослов и балагур. «Я уже ходить могу!» - сказал с усмешкой, зная, что не поверим. Однако через пару дней, прихрамывая, спустился с четвертого этажа, обошел дом и сам сел в машину. Переезд был вынужденным, ведь Морозова разыскивала московская прокуратура. Мы с моим тогдашним начальником Сергеем Игнатенко нашли ему убежище понадежней, в жилом доме на Высотке. Квартира готовилась под офис. Достали раскладушку,

матрас, чайник, купили продукты. Приезжали к Виктору каждый день, до тех пор, пока он не уехал к своим знакомым в Воронеж. Там его и накрыли.

Позже с удивлением узнали, что денщик выполнил просьбу сотника и спас его шашку. Каким образом он это сделал в наводненной милицией Москве - догадаться трудно.

Подольские демократы, коих меньше, чем пальцев одной руки, не скрывали торжества. В кабинете 101 городской администрации пытались устроить пункт сбора доносов на участников обороны Верховного Совета. Не вышло. В кадрах видеохроники разглядели подольского коммуниста Ю.Шипулина и по районному радио выступили с политическими обвинениями. Но федеральные власти не рискнули развязать террор. После расстрела Дома Советов, который стал возможен благодаря подкупу военных, они выдохлись, как немецкие дивизии на подступах к Москве.

Пятого октября чуть свет в толбинскую часть съехались высокие армейские чины. За всю свою историю штаб полка не видел такого созвездия. Разбирать ЧП российского масштаба прибыли представители штаба ПВО во главе с генералом, следователи военной прокуратуры, Но Бородин волновали не столько вопросы начальства, - он знал, как отвечать, - сколько судьба не вернувшихся Гончарова и Сиразиева. Когда же они прибыли в поселок, отлегло на душе.

В то же день министр обороны П.Грачев заявил о расформировании толбинской части. Обычно это процесс длится до полугода. На сей раз справились по-ударному: за два дня!

Всех офицеров и прапорщиков, защищавших Основной закон, общим списком уволили по «волчьей» статье: за совершение проступка, порочащего честь и достоинство военнослужащего. Полковника Бородин отстранили от должности и передали в распоряжение главкома войск ПВО с последующим увольнением. Одновременно возбудили против него уголовное дело.

Поселок Толбино в те дни пребывал в шоковом состоянии. Люди находились под впечатлением расстрела Верховного Совета, который транслировался в прямом эфире, подобно финалу чемпионата мира по футболу. А ведь там находились их родные и знакомые. Во время этого жуткого спектакля (места для камер выбрали заранее!), женщинам становилось плохо. Некоторым вызывали «скорую». Никакая статистика не уточнит, сколько людских сердец в разных концах России поразили 4-го октября продавшиеся танкисты легендарной «Кантемировка».

К душевным страданиям добавились материальные трудности. Уволенных по «волчьей» статье никто не хотел принимать на работу. Даже спустя несколько месяцев майор Колесников и капитан Рудаков не смогли из-за этой записи устроиться в заводскую охрану. В марте 94-го года многие из уволенных военнослужащих продолжали оставаться без работы. Но нашлись люди, оценившие их жертвенный поступок. В октябре, к годовщине событий, один ярославский коммерсант оказал каждому из героев-толбинцев материальную помощь. А двоих взял к себе на работу.

Толбинцы продолжали бороться. На это раз за изменение формулировки увольнения. Обращались в разные суды, дошли до Военной коллегии Верховного суда, но их жалобу не принимали к рассмотрению. Кому охота влезать в политику.

Бородину, можно сказать, повезло. В мае 94-го по его делу суд вынес определение: уволить с воинской службы досрочно, по состоянию здоровья, с зачислением в запас. Собственно, суда, как такового, не было. Доверенный представитель министра обороны предложил пойти на мировую. Он понимал, что процесс для него проигрышный и боялся его огласки. Таким образом, в действиях полковника Бородина не усмотрено состава преступления. Его подчиненные до сих пор в подвешенном состоянии. Они, как и все, попали под амнистию, но добиться восстановления своих прав не смогли. Сразу после увольнения к ним обратились московские адвокаты с предложением о помощи. Они предлагали политические формулировки, типа: защищали советскую власть и т.д. Но ни слова о том, что офицеры и прапорщики выполняли приказ командования. Понятно, их требования суд отклонил, и защитники конституции лишились военной пенсии. Адвокаты выполнили заказ.

С тех пор прошло двенадцать лет. Каждый года Толбинцы собираются третьего октября. Вместе с ними – Ю.А.Бородин. И хотя работают бывшие ракетчики в разных местах, но в этот день они – военные, и Бородин для них командир, как тогда, в 1993-м. В отличие от революционеров августовской (1991 года) революции с лицом Растроповича, стремящихся теперь не афишировать в ней свое участие, толбинские добровольцы считают свое делом правым и не боятся об этом говорить. Спустя десять лет Михаил Писарев написал по этому поводу такие строки:

*...Присягу принимали торжественно одну,
Служить в ней обещали народу своему.
И вот сейчас решайте, что дорого кому:
Сражаться за Советы иль плюнуть на страну.
Наверное, спокойней под юбкой у жены
Жевать на теплой кухне горячие блины.
К чему носить погоны, фуражку со звездой,
Коль за народ боишься рискнуть ты головой?*

ИДЕИ И ЛИДЕРЫ

*Покаянием нашим и кровью
да испросим у Господа милость.
Чтоб живой и мертвой водою
тело Родины окропилось.*

*Чтобы небо над ней не хмурилось,
убирались хлеба с межи,
и чтоб старый казак Илья Муромец
охранял ее рубежи.*

«Мы боремся не за Руцкого и Хасбулатова, а за то, чтобы Россия сама искала свое место в мире, самостоятельно вырабатывала свою политику, поддерживала, а не предавала союзников», - было наше кредо. Но лидеров не оказалось. Это было печально осознавать на фоне подвижнической работы низов. Тот же капитан Немченко без всякого приказа ездил агитировать псковских десантников, Анатолий Киселев, как заправский баррикадник, второго октября на Смоленской площади отбивал вместе с соратниками атаки ОМОНа. Анатолий Иванович Азаров, подполковник запаса, несмотря на возраст, в первый же день выехал на защиту Дома Советов. Он и его товарищи остались верны своим убеждениям и жизненным принципам. Чего не скажешь о лидерах. Даже Фокин не выдержал и дал слабину. Не предупредив никого, в ночь на 4 октября сел в свой «жигуль» под номером 22-40 и уехал в родную липецкую деревню. А вот майор Белов оставался в Доме Советов до конца. Во время обстрела достал свое чекистское удостоверение и сжег его, понимая, что в этой организации ему уже не работать.

Виктор Морозов после амнистии защитников парламента вернулся в Подольск, одно время работал в городской администрации помощником зам. главы по безопасности. Туда к нему стали подтягиваться односумы. Появилась форма дружинников, стали проводиться рейды по городу. Каким-то торгашам ребята наступили на мозоль, и их вместе с сотником разогнали. А потом прошла информация о гибели героя обороны Дома Советов. Ее обстоятельства неизвестны.

Ровно через год после событий горячей осени по приглашению Фокина в Подольск, на теперь уже пищевой комбинат «Подольский», приехал несостоявшийся президент А.Руцкой. Фокин, недавно ставший директором, пригласил своих соратников, накрыл стол в столовой, как в старые добрые времена. Всем хотелось услышать анализ Руцкого произошедшего, задать вопросы. Александр Васильевич опустил голову и начал говорить. Он волновался, речь выходила прерывистой, и тогда Руцкой ускорял темп, повторялся, лил воду, но тараторил без остановки. Создавалось впечатление, что он боится глядеть в глаза своим бывшим соратникам, слышать горькие слова и вопросы, на которые не знал ответов или не хотел отвечать. Но деваться ему было некуда. Вот встал Дима Новиков, с палочкой. После ранения он перенес несколько операций, осталась еще одна. На нее требовались деньги, и Дмитрий обратился к Руцкому за помощью. Бывшего и.о. президента вопрос озадачил. «Я думаю, вам самим на месте надо его решать», - выдавил гость, повернувшись в сторону Фокина. Чем сильно его озадачил.

Генеральный директор пищевого комбината тоже не смог сохранить авторитет. Деньги и власть вскружили ему голову. Он отстранил от себя почти всех единомышленников, словно стыдясь прошлого, и лихо пошел в исполнительную власть. Ноша оказалась не по силам.

Виктор Морозов не претендовал на роль нашего лидера. Он объединял казаков и хорошо справлялся с этой работой. Не случайно казачья застава у Дома Советов (теперь – Белого дома) стала памятным местом, куда в начале октября каждый год собираются участники того памятного противостояния. Здесь установлен крест, священники служат панихиды о погибших. Звучат хоровые песни, выступления тех, кто остался верен своим принципам. Да и как лукавить перед людьми, рисковавшими жизнью за униженную и оскорбленную Родину, существующую не иначе как Промыслом Божиим.

1994-1997-2006 гг.